

СОДЕРЖАНИЕ

Кукуша.....	7
Химия «жду».....	29
Среднестатистическое лицо.....	62
Маскарад в стиле барокко.....	80
NOSTALGIA.....	110
PIZZA HUT.....	123
Озеро чудес.....	134
Плач по уехавшей учительнице рисования и черчения.....	156
Игра в снежки.....	175
Маргиналии-2.....	185
Вертоград многоцветный.....	218
Осы и пчелы.....	241
Пригодное для жилья.....	256

КУКУША

*Всем самовольне живом
свой скончавшим*

Звонок не работал, она нажала на дверь ладонью, дверь поддалась, крикнула: «Привет!» Гриша выскочил в коридор из боковой комнаты. Резко, громко засмеялся. Своим новым, настоящим на неполезных травах смехом. Он стоял перед ней в пестром цветном платке, круглые красные маки, зеленые листья летели по черному фону, в ядовито-оранжевой, какой-то нездешней рубашке и, видимо, трусах. Трусов видно не было, рубашка свешивалась совсем низко, из-под нее торчали голые ноги и детские круглые коленки. Гриша был страшно весел и возбужден.

Вслед за ним так же быстро и резко из комнаты вынырнул другой человек. Молодой паренек, длинный, смуглый, с редкой, кустиками торчащей бородкой, тоже в рубашке по колено, синей в размытый желтый горох, в бандане с черепушками. С таким же нервным и хохочущим взглядом. Оба они

слегка подсакивали. Словно бы не могли устоять и танцевали под неслышимую ей музыку. И оба чуть-чуть подсмеивались. Им явно нравилось, как они прикольно одеты и что она на них внимательно смотрит. На их коленки. Но она смотрела недолго.

Из квартиры дохнуло паром, густым белым паром кошмара, толкнувшим в грудь, спеленавшим и сжавшим сердце. Она покачнулась, отступила назад и прижалась спиной к двери. Вот тебе пакетик, роял-чизбургер, детская картошка, стакан с кока-колой, всё как ты сказал. Смуглый парень в заказе отчего-то учтен не был.

Гриша заглянул во влажный бумажный пакет, вынул желтую картофелинку и тут же скорбно поднял брови, произнес нараспев, помахивая ею, как дирижерской палочкой: «Картошка-то уже остыла».

Прости! Но я слишком много времени провела в твоём лифте.

Она вошла в лифт, нажала кнопку. Двери сдвинулись, но свет тут же погас. Лифт никуда не поехал. Она понажимала на разные кнопки еще — без толку. Застряла! Первый раз в жизни. Ей стало смешно. Она снова начала нажимать на все подряд, сверху вниз, снизу вверх, наконец что-то негромко загудело, и стенка заговорила грубым женским голосом: «Что у вас там опять?» «У нас опять застревание», — сказала она и засмеялась. Голос за постепенно проступившей сквозь тьму железной сеточ-

кой панели тяжело, по-лошадиному вздохнул и пообещал прислать механика. «Когда?» — «Ждите». Диспетчер отключилась.

Но вот прошло уже десять (пятнадцать?) минут, а механик все не приходил. Ей было уже не смешно. Сытный сырой запах макдоналдской картошки, слегка разбавленный идущим из подъезда запахом кошачьей мочи, заволок пространство кабины. Было темно и тихо. Нужно было срочно позвонить Сене. Она снова и снова ощупывала карманы, хотя давно поняла, что мобильник остался на сиденье машины: телефон почти разрядился, и она поставила его на подзарядку. Да так и забыла. В машине остался и Сеня, ее муж, он отказался идти к Грише наотрез, потому что был тот самый муж, который не ходит на совет нечестивых. Но Сеня никогда и не знал того Гришу, которого знала она, строгого мальчика в очках, с мягкими, отливающими светлым золотом кудрями, никогда не видел, как он сидит на первой парте в левом ряду, недовольно смотрит на доску, что-то быстро и сосредоточенно пишет. И она пошла к Грише одна, буквально на минутку, только отдать пакет. А лифт застрял.

Она снова нажала на кнопку и услышала все такое же грубое, теперь уже почти развязное: «Идет уже, счас».

Почему же лифт не поехал? Почему тут же погас и даже не подумал отправиться на шестой этаж? Но может быть, это не лифт, это Бог так говорит ей, что

Он против? Что Ему совсем не хочется, чтобы она ехала к Грише. Потому что в этом нет никакого смысла.

Снаружи с железным лязгом хлопнула входная дверь. Сеня? Раздался шуршащий ритмичный шум. Шарк-шарк, стук. Шарк-шарк, стук. Она припала к тоненькой прорезиненной щели между сжатыми дверями — к лифту подходила старушка с палкой, в белом платке, плаще, с небольшой сумкой. Из сумки торчал уголок черной буханки. Бабушка явно возвращалась из магазина. Подошла к лифту, нажала на кнопку.

— Он сломан! Лифт сломался, а я в нем сижу! — закричала я. И снова засмеялась.

— Вы в какую квартиру? Может, позвать их на помощь? — довольно дружелюбно откликнулась бабушка.

— Бесполезно. Они вряд ли придут. Сейчас механик меня спасет, я уже вызвала.

— А в квартиру-то вы в какую-ую? — снова спросила бабушка. — Номер какой?

Похоже, она умирала от любопытства.

— В сорок девятую.

— А-а. К Григорию, — протянула бабуля. — Этого Григорья удавить мало.

— Почему? — я все так же кричала. Мне казалось, из лифта меня не слышно. И еще мне просто хотелось поговорить с ней; за что она хочет удавить Григорья, я и так примерно знала.

— Бомжи ходят, — потекли объяснения. — На лестнице кучи. И лужи. Уж и в милицию его два раза забирали.

Бабушка замолчала, а я думала, что же, что мне сказать в Гришино оправдание... Но так ничего и не придумала.

— Ладно, пойду позвоню в диспетчерскую, чтоб поскорей пришли.

Кажется, она простила мне Григорья и снова уступила на улице. Наверх, видимо, решила пока не подниматься. Только вот откуда же она будет звонить?

Механик все не шел, и от скуки, но больше чтобы отвлечься и не думать о Сене, который ждет меня в десяти метрах на улице и уверен, что вот-вот я вернусь, вот-вот, а меня все нет, я вспоминала, как совсем недавно, недели три назад, Гриша заезжал к нам в гости, взять денег и попрощаться навсегда. Сени тогда, слава богу, не было дома.

Гриша уходил в подполье. На шее у него висели разноцветные связанные из ниток бусы: «четки» — объяснил Гриша. А за руку Гриша держал девочку, совсем юную. «Женя. Учится в одиннадцатом классе». И пояснил: «Еще несовершеннолетняя». В подполье они собирались вместе.

Из комнаты выбежала Ляля, увидела Гришу, замерла. В тот день он был одет в шелковую бордовую женскую кофту с вышитыми золотом узорами. И маленькую тубетейку на макушке. Такого Ляля еще не видела и тихонько приоткрыла рот. Гриша

протянул ей «четки». Ляля просияла, сказала «спасибо» и тут же убежала обратно, показывать бусики Мите. Митя не выходил — он боялся.

— Ты знаешь историю нашей любви? — спросил Гриша.

Я не знала. И за чаем Гриша все рассказал.

Женя пришла к нему в гости как раз в день его рождения. Поэтому она была для него даром судьбы. Она осталась у него на несколько дней. Но родители Жени не захотели, чтобы их девочка жила с Гришей в его квартире, и папа девочки с двумя своими друзьями ворвались к нему и дали ему по морде, не сильно, а только чтобы попугать и чтобы он никогда больше не трогал их девочку. И забрали Женю с собой. Но на следующий день девочка сбежала от родителей, потому что понимания у нее с ними не было никакого, то ли дело с Гришей, так что Женя снова вернулась к нему...

Женя слушала историю своей любви беззвучно, отпивала горячий чай крошечными глотками, а Гриша отодвинул чашку, потянулся к Жене и начал целовать ей руки: «Мы как Ромео и Джульетта, сейчас ведь такого просто уже не бывает».

— Какого? — спросила я.

— Чистой любви, — Гриша опустил голову.

Я подумала: «От стыда».

— Ладно, пойду покакаю, — он встал из-за стола и строго посмотрел на нас. — А вы пока поговорите.

Гриша остановился, немного задумался, взглянул на Женю.

— Маша вообще-то хорошая, ты не смотри, что она такая грубая. На самом деле она настоящая христианка.

И он ушел в туалет.

Женя оказалась медленная и знала мало слов. Какие у нее были волосы, какие глаза? Непонятно. За что же она так понравилась Грише?

— Понимаешь, — говорила я в стенку над ее головой, потому что в глаза Женя все равно не смотрела, — он бросит тебя завтра, нет, послезавтра. В самом крайнем случае через шесть дней. Максимум через неделю! Ты думаешь, у тебя началась новая интересная волшебная жизнь, приключения, мальчик, любовь, похищение. Но ведь Гриша не мальчик, понимаешь? Он старше тебя в два, ровно в два раза. Ты девочка, но он не мальчик! Через год, да какой там год, гораздо раньше, ты поймешь, как все это ужасно. Он наркоман, ему на тебя наплевать, и ты, ты тоже станешь наркоманка... Куришь уже травку?

Боже, какой тупой вопрос.

— Так... — мотает головой девочка. — Иногда.

— И будешь наркоманка, — почему-то меня душили слезы.

Женя ничего не замечала. Она сидела спокойно и совершенно неподвижно, замороженно, спрятав руки под стол, опустив голову. Скоро они с Гришей

уйдут в подполье, а тут какая-то чужая тетка, старая, вон за стеной орут ее малые дети, говорит что-то неприятное, лишнее — зачем?

Но может, перед приходом сюда они уже покурили и ее молчаливость — естественное торможение после этого дела? Реакции ведь бывают разные. А возможно, Женя реагировала так всегда, на любую человеческую речь.

Ясно было одно — не зацепить. Ничем не выпарывать ее из этой комы, не растормошить никак. Скажи ей сейчас — твою маму убили. Только что ее зарезали бандиты. Посмотрит так же волооко, мотнет головой и все равно поедет с Гришей в подполье. Да какое подполье — обычная квартира, сходящийся серым сумраком сквот, с отключенным электричеством, старыми шубами и пальто вместо одеял, с кухней, в которой только одна неразбитая чашка, зато мешков с мусором целая батарея, но вынести их ни у кого уже нету сил, царство безволия и украденного счастья, здесь висают на недели, месяцы, потому что «времени больше не будет». Но Грише, Грише первому же там не понравится, потому что Гриша любит комфорт, ну а я люблю Гришу, точнее, того, кто когда-то рассказывал мне про Христа. Кто тихо шагал впереди в поющей легкими ангельскими голосами темноте крестного хода, оборачивался, заботливо зажигал погасшую на апрельском ветру свечку, и круглая золотистая вспышка вдруг озаряла снизу юное, тонкое, полное неземной и пьяной воздушной радости, та-

кое родное лицо. Где он теперь? Где тот светлый юноша не в шутовской, не в женской — в обычной, белой пасхальной рубашке? В какое подполье его упекли? Разве бывает преобразование наоборот, Господи? Когда, в какой миг это светлое, отражающее небо зеркало, душа человеческая, идет трещинами, корежится, теряет цельность, раскалывается на сотни неровных острых кусков? Женя, ты меня слышишь? Налить тебе еще чаю?

Гриша вернулся из туалета — спасибо за угощение, мы, наверно, пойдем. В подполье нам очень понадобятся деньги, дай сколько сможешь, Маша. Гриша произносит все это раздумчиво, неторопливо, и не успевает она подумать, что вот она и цель непонятного визита, как он повторяет: «Сколько сможешь». Смогла триста рублей, а еще банку дачного яблочного варенья и — против воли! — самую любимую открытку — Гентский алтарь. Много раз я думала, что если рай все-таки существует, он именно такой, каким нарисовал его Ван Эйк. Сколько раз эта картинка утешала меня, отвлекала от ненужных мыслей. В самодельной рамочке из картонки она стояла в большой комнате, прислонясь к черному собранию сочинений Достоевского. Была видна из коридора, Гриша заметил ее, когда шел одеваться, заметил и сразу начал просить. «Дай, пожалуйста». Гриша, это моя любимая! Не могу. Тогда он встал на колени, плюхнулся прямо на коридорный грязноватый половилок: «Дай, дай мне, пожалуйста! Умоляю тебя».